

Неочевидное вероятное

Экономика России в который раз за последние 40 лет проходит чрезвычайно сложный этап. В дополнение к проблемам, связанным с адаптацией экономических агентов к функционированию на принципах рыночной координации, добавились вызовы, обусловленные обострением климатической повестки и коронавирусной пандемией. Как итог взаимодействия всех этих факторов мы видим практическое отсутствие экономического роста на протяжении длительного времени, консервацию неэффективной структуры экономики, снижение реальных располагаемых денежных доходов населения, рост количества малообеспеченных соотечественников, отрицательные темпы роста численности населения.

На федеральном уровне идет мучительный поиск подходов и путей решения упомянутых проблем – формируются национальные проекты, разрабатывается новая версия стратегии социально-экономического развития. Подобные процессы идут и на уровне регионов, хотя, конечно, в этом отношении региональный уровень располагает гораздо более суженным веером возможностей.

Меньший набор инструментов и их низкая эффективность определяются двумя основными обстоятельствами: 1) отсутствием реальных рычагов воздействия на принятие и реализацию проектных решений хозяйствующими субъектами (прежде всего крупнейшими вертикально интегрированными компаниями природно-ресурсной направленности); 2) недостаточностью навыков и опыта в решении задач такого масштаба.

Поэтому видение текущей реальности, а также своего будущего на региональном уровне имеет в значительной степени «производный» характер от программ и планов государственных и частных корпораций. При этом последние, как правило, ориентированы на достижение крупным бизнесом высокой маржинальной эффективности. «Производность» предопределяет и то, что различные решения – как корпоративного, так и регионального уровней – не имеют преемственности во времени. Последнее чрезвычайно важно в связи с тем, что отсутствует взаимосвязь и взаимообусловленность различных шагов и процессов на протяжении всего постсоветского периода.

Ярким примером всех отмеченных выше особенностей является Кузбасс с его документами стратегического характера, которые были разработаны в последние нескольких десятилетий. В то время, как пример Рурского бассейна в Германии показывает, насколько длительным и целенаправленным должен быть процесс реструктуризации-перезагрузки угольного региона в современной экономике, Кузбасс мечется от одной концепции к другой, не в силах ни одну из них довести до реального воплощения.

С одной стороны, Кузбасс являет пример успешно и целенаправленно проведенной реформы ведущей отрасли специализации – угольной. В ее рамках были закрыты неэффективные и устаревшие шахты и угольные предприятия, что позволило создать условия для увеличения добычи угля за счет роста производительности труда. С другой стороны, реструктуризация угольной промышленности сопровождалась усилением сырьевой направленности экономики региона, уменьшила спрос на рабочую силу и привела к резкому ухудшению экологической обстановки.

В целом, как нам представляется, обобщенный социально-экономический эффект этой реструктуризации не только не решил ранее имевшиеся в регионе проблемы, но и привел к появлению новых – не менее сложных. Авторы настоящего номера вынуждены констатировать, что «негативной стороной текущей модели развития угольной отрасли Кузбасса и наращивания открытой добычи является увеличение площади нарушенных земель, при котором изменяется общий профиль земной поверхности, полностью или частично уничтожается биологическое разнообразие» (статья А.И. Копытова, О.А. Куприянова, Ю.А. Мананкова, А.Н. Куприянова). В настоящее время в Кузбассе свыше 150 тыс. га нарушенных земель, при ежегодном восстановлении не более 2 тыс. га. При этом «в базовой угольной отрасли, одновременно кратно выросла зависимость местной промышленности от производителей и поставщиков импортного производственного оборудования и технологий» (статья С.В. Березнева, Е.Е. Кульпиной).

Ухудшение экологической ситуации, примитивизация структуры экономики привели к снижению уровня жизни и, как прямое следствие этого, – к усилению оттока населения.

Одна из «фундаментальных» причин заключается в том, что процесс реструктуризации ведущей отрасли был ориентирован

не столько на решение проблем и задач социально-экономического развития всего региона, сколько на «особые» отношения и двусторонние договоренности региональной исполнительной власти с крупными угольными корпорациями. Мы считаем, что в Кузбассе «...все стратегии и программы выступали лишь прикрытием для лоббирования региональными властями интересов угольного бизнеса» (статья В. А. Крюкова, Ю. А. Фридмана, Г. Н. Речко, Е. Ю. Логиновой).

Нельзя не учитывать и появление новых вызовов и внешних шоков. В их числе – мировая климатическая повестка и уже начавшийся процесс перехода к модели низкоуглеродного развития мировой экономики. Во многом диссонансом этим тенденциям звучат «заклинания» о сохранении значительной роли «высококачественного кузнецкого угля» на рынках Юго-Восточной Азии и призывы к ускоренному развитию так называемого «Восточного полигона» и транспортной инфраструктуры для его экспорта. Да, доля угля в топливно-энергетических балансах стран данного макрорегиона все еще высока, а динамика цен на уголь на внешних рынках пока благоприятна. Но необходимо принимать во внимание новые обстоятельства и шоки долгосрочного характера.

К их числу относится устойчивый тренд, направленный на снижение доли ископаемых топлив и органических источников получения энергии. Международное энергетическое агентство в мае 2020 г. представило «...план по достижению к 2050 г. в мировых масштабах углеродной нейтральности. Чтобы достичь этой цели, а также удержать рост среднегодовой температуры на планете за тот же период в рамках 1,5 градуса Цельсия, МЭА предлагает сократить до нуля объем инвестиций в новые проекты по добыче ископаемого топлива»¹. Несмотря на, возможно, чересчур алармистский характер данного документа, нельзя не учитывать, что он в определенной степени отражает серьезность намерений мирового сообщества.

---

¹ *Виноградов И.* МЭА призывает обнулить инвестиции в новые проекты по добыче ископаемого топлива. Это необходимо для снижения к 2050 г. нетто-выбросов CO₂ до нуля // *Ведомости*. 2021. 20 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/05/20/870470-mea-obnudit?utm_campaign=newspaper_20_5_2021&utm_medium=email&utm_source=vedomosti%3Futm_campaign%3Dnewspaper_20_5_2021&utm_source=vedomosti

Net Zero by 2050 A Roadmap for the Global Energy Sector. International Energy Agency. Special Report. IEA. 2021. 224 p.

Net Zero by 2050 – A Roadmap for the Global Energy Sector (windows.net).

Как нам видится в этом контексте социально-экономическое развитие Кузбасса? Ключевая задача остается прежней – обеспечение взаимосвязи и взаимодействия процесса развития угольной отрасли с решением социально-экономических проблем Кузбасса. Нельзя признать приемлемой ту ситуацию, при которой основные финансовые результаты угольной отрасли региона аккумулируются их бенефициарами в офшорных анклавах далеко за пределами не только региона, но и России в целом. В течение периода перехода к новой энергетике эти средства должны быть перенаправлены на цели структурной и реальной трансформации экономики региона добычи. И это касается не только Кузбасса, но и всех угледобывающих регионов, включая Новосибирскую область, Красноярский край, республики Хакасия, Тыва и др.

Преодоление как внешних, так и внутренних шоков развития угольной отрасли и решение проблем «угольных» территорий немислимы вне кооперации и взаимодействия не только на региональном уровне, но также и на уровне взаимодействия всех регионов Востока России. При этом такие решения, как формирование в Кемеровской области центра переподготовки высвобождаемых работников из числа ранее занятых как в угольной отрасли, так и на стагнирующих металлургических и химических предприятиях, включая жителей многострадальных умирающих городов Прокопьевска и Киселевска с целью их занятости на «Восточном полигоне», нельзя признать приемлемыми. Антисоциальный характер этой идеи и ее деструктивный эффект для поселений Центральной Сибири, на наш взгляд, очевидны.

Мы считаем, что эффективность разрабатываемых и реализуемых решений в современной экономике целесообразно измерять и оценивать количеством и динамикой высокотехнологичных рабочих мест. Только такой подход может служить надежной основой преодоления пока неочевидных, но тем не менее вероятных тенденций развития и энергетики, и современной экономики в целом.